

Александр

Тамоников

Детонатор

Взрыв, стрельба и рок-н-рол

Александр Александрович Тамоников

Детонатор

Серия «Проект «ЭЛЬБА»»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8628511

Тамоников, Александр Александрович. Детонатор: Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-76583-6

Аннотация

Российскими учеными изобретено мощнейшее взрывчатое вещество нового поколения – тромонол. Взрывчатку отправляют на испытательный полигон, но на одной из станций спецвагон с тромонолом захватывают боевики. Они убивают охранников и похищают смертельный груз. Через несколько часов недалеко от места нападения происходит чудовищный взрыв – взлетает на воздух битком набитый рейсовый автобус. Эксперты обнаруживают на месте трагедии частицы тромонола. По оценкам специалистов, террористы использовали лишь сотую часть похищенной взрывчатки, а значит, теракты будут продолжаться. На бандитов начинает охоту элитное подразделение Антитеррористического центра. Руководит бойцами лично генерал Комаровский...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	18
Глава вторая	35
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Тамоников

Детонатор

*Все изложенное в книге является плодом
авторского воображения. Всякие совпадения
случайны и непреднамеренны.*

© Тамоников А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

Красоткин не был суеверным человеком. Не верил он ни в сглазы, ни в разбитые зеркала, ни в чертову дюжину, ни в прочую чертовщину, а предпочитал полагаться на собственные жизненный опыт и интеллект, которыми гордился. Являясь начальником секретной лаборатории Научно-исследовательского института прикладной химии, Красоткин имел массу иных положительных качеств, в число которых входили дисциплинированность, точность, осторожность. «Сапёры, – говаривал он, – ошибаются только один раз, а мы и на единственную оплошность права не имеем. Это, знаете ли, всей стране может боком выйти». Под страной подразумевалась Россия, а чтобы ни у кого в этом не возникало сомнений, Красоткин тыкал большим пальцем через плечо, указывая на огромную карту, висящую за его спиной и занимающую чуть ли не всю стену кабинета. НИИ, в котором он трудился на благо Родины, находился на северо-западе Москвы, в тихом квартале, примыкающем к промзоне. Вывеска института не привлекала к себе внимания, и это было хорошо, потому что посторонним здесь делать нечего.

Промозглым мартовским утром Красоткин поставил старенькую «Мазду» на институтской парковке, выбрался из машины и приготовился перейти улицу. Когда уж собрался ступить на дорогу, нога приросла к асфальту. Он и сам бы не

сумел объяснить, почему остановился при виде черной кошки, медленно пересекающей ему путь. В ее круглых желтых глазах, казалось, читалась насмешка. Словно она специально поджидала Красоткина, чтобы пройти перед ним, и теперь наслаждалась произведенным эффектом.

– Брысь! – прошипел Красоткин и топнул ногой.

Кошка отреагировала на это брезгливым подрагиванием хвоста. Красоткин беспомощно посмотрел по сторонам. Он понятия не имел, откуда начала свое шествие маленькая черная тварь, и обогнать ее тоже не надеялся. Пришлось, трижды сплюнув через плечо, пойти напрямик. Но магические плевки не улучшили настроения. Начальник лаборатории, который, как уже говорилось, был далек от всяческих суеверий, чувствовал себя неуютно. «Впереди неприятности, большие неприятности, – крутилось у него в мозгу. – Добром это не кончится».

Самое неприятное, что не далее чем вчера то же самое сказала его жена, Наташа.

Был темный сырой вечер, в окна барабанил дождь. Красоткин, как обычно, сидел за компьютером, наслаждаясь ароматным лимонным чаем, покоем и тишиной. Наташа дремала на диване, загипнотизированная калейдоскопической сменой событий в долгоиграющем телесериале. Ее присутствие за спиной, как обычно, слегка напрягало, но Красоткин знал, что по окончании фильма она очнется, пожалуется на хроническое недосыпание и, с долей сарказма в голосе

пожелав творческих успехов, переберется в спальню.

Телевизор работал почти беззвучно, озаряя затемненную комнату голубоватыми всполохами. Точно такое же мягкое голубоватое свечение исходило от экрана монитора. Из его электронных глубин всплыли разноцветные буквы «Google».

Прихлебывая кисло-сладкий чай, Красоткин листал англоязычные страницы, пытаясь выяснить, насколько западные ученые приблизились к разрешению тех проблем, с которыми столкнулась его лаборатория. Он же собирался ввести в поисковое окошко слова «Phenol azide», когда подпрыгнул на стуле и едва не вывихнул шею, глянув назад, в полумрак, откуда возникла рука, положенная на плечо.

– Ты? – прошептал он, запоздало покрываясь мурашками.

– А ты думал кто? – насмешливо спросила Наташа. – Одна из твоих лаборанточек?

В приглушенном голубоватом свете монитора она и двадцать лет спустя казалась той, прежней, восемнадцатилетней Наташей, которая сказочной новогодней ночью вскружила Красоткину голову.

– Ты лучше, – сипло произнес он, протягивая руки: – Иди ко мне.

Наташа усмехнулась:

– Хорошая идея, – сказала она, увернувшись от протянутых рук супруга. – Но не своевременная. Дети.

Под детьми подразумевались недавно забеременевшая дочь Даша и ее без году неделя супруг, взявший моду рас-

хаживать по дому в пляжных шортах. Сочетание смазливой, почти ангельской мордашки Дениса и его мощных страусиных ног невероятно раздражало Красоткина, хотя он старался ничем не проявлять неприязни к избраннику Даши. Показная невозмутимость давалась нелегко. Умом Красоткин понимал неизбежность перемен, но отцовские инстинкты протестовали против наличия посторонних ног в спальне дочери. Не так давно ее комната называлась детской, и Красоткин не успел свыкнуться с тем, что отныне там происходят совсем другие, сугубо взрослые игры.

– Наших деток из пушки не разбудишь, – проворчал он, выковыривая сигарету из пачки. – Так бы и не вылезали из постели с утра до ночи. Всю жизнь продрыхнут, сомнамбулы.

– Не кури, пожалуйста, – ноздри Наташи брезгливо сузились, – ты же знаешь, что я не переносю табачного дыма.

– Я в форточку.

Устремившийся к окну Красоткин был перехвачен на середине пути и, несмотря на вялое сопротивление, усажен на тахту. Наташа пристроилась рядом, удерживая его за шею чуть ли не борцовским захватом. Потрепыхавшись, он сник, сделавшись покорнее кролика, пойманного удавом. Все было как в бурную эпоху молодости, если не считать того удручающего факта, что сами Красоткины претерпели неизбежные изменения. Она беспрестанно пополняла запасы косметики, носила удлинняющиеся год от года юбки и вздрагивала, слышав роковое слово «целлюлит». Он обжа-

велся залысынами, лишился нескольких боковых зубов и все чаще подумывал о том, что скоро станет дедом, а Наташа, соответственно, бабкой, так что окончательное перевоплощение в милую (или не очень милую) пожилую пару не за горами. Или оно уже состоялось?

– О чем будет разговор? – осведомился Красоткин, давно усвоивший, что его супруга просто так ничего не делает.

– Ни о чем, – сказала Наташа и, оставив шею мужа в покое, принялась водить пяткой вдоль завитушек коврового орнамента. – Ты меня по-прежнему любишь, Володя?

– Конечно, – подтвердил Красоткин, – жаль, здоровье уже не то. Обидно, что так мало куковать осталось. Меньше половины, как ни крути.

– Типун тебе на язык, – Наташа возмущенно топнула ногой, – дурацкая у тебя арифметика. Ты что, в старые хрычи решил записаться? Ну так записывайся. Лично я погожу.

– При чем тут хрычи?

Красоткин встал и, закусив сигаретный фильтр, подошел к окну. Дым, выпущенный навстречу воздушному потоку, разнесло по всей комнате, но, вместо того чтобы проявить недовольство, Наташа поинтересовалась:

– К тебе как в институте относятся, Володя? Ценят?

– Еще бы им меня не ценить, – буркнул вознамерившийся отмалчиваться Красоткин. – Не хочу хвастаться, но моя последняя разработка... – Он понизил голос: – Это настоящий переворот во взрывном деле. Мой тромонол...

– Тромонол, – перебила Наташа, пренебрежительно морща нос, – только и слышу от тебя в последнее время: тромонол, тромонол, тромонол... Да только проку от него немного. Сколько он нам приносит дохода? Около двухсот тысяч рублей в год? Немного.

– Нельзя же все деньгами мерить, честное слово!

– Особенно когда их нет, да?

Прикончив сигарету в две затяжки, Красоткин вышвырнул ее в форточку и повернулся к жене:

– Ты все сказала? Тогда, если не возражаешь, я еще поработаю.

Наташа хмыкнула:

– Чахнешь на своей работе, чахнешь, а что толку? – Риторический вопрос завершился вздохом: – Пора что-то менять, Володя.

– Устроиться реализатором на рынок? В охранники податься?

– Никто не предлагает тебе сменить профессию, – возразила Наташа, – я знаю, какой ты у меня талантливый. Поэтому-то и хочу тебе помочь.

– Чем? – спросил Красоткин голосом усталого трагика, вынужденного в сотый раз повторять одно и то же. – Чем ты можешь мне помочь?

– Советом. Ты должен устроиться на работу туда, где тебе станут платить достойную зарплату.

– И где же такое место, по-твоему?

– За границей, конечно. Сколько можно вкалывать за гроши? – Жена подошла к Красоткину вплотную, чтобы заглянуть ему в глаза. – Пашешь, как папа Карло, без выходных, без полноценного отпуска. И это за пятьсот долларов в месяц? Жили бы мы вдвоем, я бы слова не сказала. Но Дашенька! Ты хоть немного о ней думаешь?

– У Даши теперь есть муж, чтобы о ней заботиться, – напомнил Красоткин. – С такими ножищами он далеко пойдет. Горы свернет, если пожелает.

– Боже мой, сколько яда, сколько желчи! – покачала головой Наташа. – Ну почему, почему ты взъелся на Дениску? Симпатичный мальчик, опрятный, вежливый, из хорошей семьи... И чем тебе не нравятся его ноги? Дениска как раз очень даже неплохо сложен.

– Ну да, ты у нас эксперт по мужским фигурам.

– При чем тут мужские фигуры, когда речь идет совсем о другом?

– О чем именно?

– Дети взяли в банке кредит, – заговорила Наташа, зябко поводя плечами. – Для того чтобы выплачивать проценты, необходимы деньги. Почти пятьсот долларов в месяц.

Красоткин уставился в телевизор, словно надеясь, что голос, сообщивший ошеломляющую новость, исходит оттуда. Но по экрану ползли титры советского фильма о победной весне сорок пятого, когда наш разведчик и слыхом не слыхивал о банковских кредитах. «Суровая была пора, трудная», –

подумал Красоткин. Хотя, с другой стороны, нынешние времена тоже не сахар.

– Ничего не понимаю, – признался он. – Кредит? Зачем?

Наташа проследила за его рассеянным взглядом, взяла пульт и выключила телевизор.

– Чтобы обзавестись собственной крышей над головой, – сказала она, – неужели не ясно? Так что придется поднапрячься. Стоит детям просрочить платежи, и выкупленная квартира перейдет в собственность банка, да и наша ведь оставлена в залог. Короче говоря, положение серьезное. Дашенька и Дениска, конечно, будут лезть из кожи, но и мы не имеем права прохлаждаться. Ты не против поработать на какую-нибудь зарубежную фирму?

– Где я тебе ее найду, фирму зарубежную? – тоскливо спросил Красоткин.

– А ничего искать не надо. Ко мне уже обратились.

– Кто обратился?

– Люди, – загадочно ответила Наташа, – которые заинтересованы в сотрудничестве с тобой.

– Шпиона из меня хочешь сделать?

– А ты предпочитаешь стать бомжом? И семью свою по миру пустить?

– Разве это я взял кредит?

– Теперь это значения не имеет, – резонно заметила Наташа, – теперь важно одно: придумать, как выпутываться станем. Иначе добром дело не закончится.

– Желаешь впутать меня в авантюру?

– В очень прибыльную авантюру, Володя. Так поговоришь с моими новыми знакомыми?

– Вот как? Уже твои знакомые?

– Деловые знакомые, – поправила его жена.

Наташа ждала ответа. Красоткин молчал, ошарашенный новостью о кредите. В комнате работала невидимая мясорубка, перемалывающая виды на обеспеченную старость, уют и заслуженный покой. От былых надежд только ошметки летели.

– Так поговоришь? – нарушила молчание Наташа.

– Поговорю, – вдруг решился Красоткин.

В конце концов, он действительно заслужил большего, чем ему давало государство. Решился и испугался. Он чувствовал себя крысой, загнанной в угол.

– Тогда, Володя, завтра в 20.00 в кафе у кинотеатра, – облегченно выдохнув, сказала жена. – Займешь любой свободный столик. К тебе подойдет очаровательная брюнетка. Она подскажет, что делать.

– Конспирация, – с сарказмом проговорил Красоткин.

– Элементарная осторожность, Володя.

– Хорошо, посижу с брюнеткой, но... дорогая, – Красоткин похотливо взглянул в глаза Наташи, – сейчас мы пойдем в спальню.

– Уговорил, милый, – поморщилась супруга.

Следующий день прошел в повседневных заботах. Вот

только настроение у Красоткина было паскудное. Вечерняя встреча не давала покоя, рассеивала внимание, противный холод от страха вползал внутрь и вызывал тупую боль в области желудка. Красоткин боялся, а потому старался успокоить себя. Собственно, встреча сама по себе ничего не значит. Отчего не поговорить с людьми? Не послушать, что предложат? Ведь помешать отказаться от предложений ему никто не сможет. Даже Наташа, с которой в этом случае наверняка возникнут проблемы, но ничего... переживали и не такое.

В 20.00 Красоткин сидел за угловым столиком довольно уютного кафе, с неожиданно небольшим количеством посетителей. Видимо, для тех, кто здесь проводит досуг до утра, восемь вечера не время начала активного отдыха.

Заказал чашку кофе. Ждать долго не пришлось. Спустя минуты три за его столик подседа красивая брюнетка:

– Добрый вечер, Владимир.

– Добрый. Вы и есть та женщина, с которой я должен встретиться?

– Да. Меня зовут Инга.

– Очень приятно.

– Но разговаривать вам предстоит не со мной и не здесь.

– А где и с кем?

Брюнетка подозвала официанта, расплатилась за кофе, невзирая на протест Красоткина.

– Все узнаете, – заявила она. – Идемте.

Приказной тон не понравился Красоткину, но отступить

было поздно.

Вскоре они оказались в салоне «Тойоты», припаркованной недалеко от кафе. Инга села на переднее пассажирское сиденье, Красоткин устроился сзади, рядом с мужчиной безупречного вида.

– Здравствуйте, господин Красоткин. – Голос мужчины звучал успокаивающе.

– Здравствуйте...

– Карл, – представился мужчина, – просто Карл.

– Здравствуйте, Карл.

Мужчина сразу же перешел к делу:

– Ваша чудо-взрывчатка готова?

– На экспериментальном уровне.

– Нам нужен тромонол.

Красоткин усмехнулся:

– Понимаю, но я не смогу вынести из института не только даже мизерное количество вещества, но и копии документации.

Ответ Красоткина мужчину не смутил, он сказал:

– Мне это известно, но тромонол должен пройти испытания в полевых, скажем так, условиях?

– Конечно. Однако до этого еще далеко.

– Ничего. Мы умеем ждать. От вас ничего особенного не требуется, господин Красоткин. Как только спецконвой заберет тромонол для доставки на место испытаний, тут же сообщите об этом мне. Вот по этому телефону.

Карл передал Красоткину листок, с нанесенными на нем цифрами.

– Номер придется запомнить. Он не сложный.

Красоткин взглянул на мужчину:

– Что, просто позвонить и все?

– Да. Как видите, вы практически ничем не рискуете. Запоминайте номер.

– Запомнил.

Номер запоминался легко, после стандартных 8–910 цифры шли через одну в сторону нарастания.

– Прекрасно. Набрав номер и услышав ответ, произнесете фразу: «Племянник выехал, встречайте». У вас есть племянник?

– Нет.

– Впрочем, это неважно. То, что ваша семья получит взамен, и уже совсем скоро, узнаете у супруги. Уверен, вы будете довольны.

– Один вопрос, Марк!

– Да?!

– Как вы вышли на Наташу?

Мужчина рассмеялся:

– Вышли – громко сказано, на самом деле все банально просто. Вы знаете Марину Скобеву?

– Это подруга жены.

– А Инга – подруга Марины. Дальше объяснять?

– Нет, я все понял.

– Оставьте листок с номером, и до свидания, Владимир Васильевич.

– До свидания.

Выйдя из машины, Красоткин отправился домой. В голове крутилась мысль: «Добром это не закончится», – но теперь что-либо изменить он не мог. Другой бы смог, Красоткин – нет.

Глава первая

Мал, да удал

Суббота, 11 мая

Осунувшийся, невыспавшийся, с коричневыми подглазьями, напоминающими темные очки, Красоткин выбрался из «Мазды» и направился ко входу в Научно-исследовательский институт прикладной химии. На сей раз черная кошка ему дорогу не перебегала, да он и думать забыл про тот давнишний инцидент. Лишь тревожная мысль «добром это не закончится» засела в подсознании болезненной занозой.

За последнюю пару месяцев Красоткин стал нервным, издерганным человеком, у него испортился сон, зато прорезался зверский аппетит, в результате которого Красоткин быстро обзавелся внушительным животиком, еще более заметным при его общей худобе. Вот и сегодня, минуя вестибюль, он посмотрел на свое отражение в зеркальной стене и в очередной раз обнаружил, что сделался похожим на кругленького паучка, проворно семенящего тонкими ножками. Отвратительное зрелище! Красоткин поспешил отвести от зеркала взгляд.

Поднимаясь на третий этаж, он запыхался, но это не удержало его от соблазна перекурить на верхней площадке, где уже вовсю дымил сигаретой старший сотрудник Нудгин —

небритый мужчина в узких очках, воображающий, что сивая щетина прибавляет его наружности мужественности и даже брутальности.

– Как дела? – поинтересовался он, посасывая сигаретный фильтр.

– Как сажа бела, – машинально ответил Красоткин, хотя не раз давал себе слово выбросить из лексикона эту дурацкую присказку.

– Ну, не прибедняйся, не прибедняйся, – подмигнул Нудгин, – наслышан о твоих успехах. Небось на государственную премию нацелился, а? Признайся.

– Ни на что я не нацелился, – буркнул Красоткин, успевший пожалеть о том, что задержался покурить.

– Скромничаешь. Таишься. Напрасно. Я ведь не американский шпион.

Нудгин захихикал, довольный своей глупой шуткой, а Красоткин поперхнулся дымом и закашлялся, мучительно побагровев при этом. После памятного разговора с Наташей он совершенно охладел к шпионской тематике и даже не захотел смотреть последний фильм об агенте 007, захождениями которого следил на протяжении многих лет.

– Ладно, – сказал он, отправляя окурок в урну, – мне пора. Дел много.

– Знаем, какие у тебя дела, – опять подмигнул Нудгин. – Тебя там с утра ждут.

– Кто? – опешил Красоткин.

– Двое в штатских костюмах, но наружности отнюдь не штатской.

Наблюдая за реакцией собеседника, Нудгин прищурил один глаз. Красоткину показалось, что его ударили кулаком под ложечку. Изо всех сил. Так, что перехватило дыхание, а в глазах потемнело.

– Двое? – переспросил он непослушными губами.

– Ага, – подтвердил Нудгин. – У твоей двери торчат и все зырк-зырк. Вылитые сотрудники ФСБ. А чего ты испугался? Совесть нечиста?

На этот раз он не захихикал, а загоготал, наслаждаясь своим остроумием.

– Мне бояться нечего, – пробормотал Красоткин, с трудом перебарывая желание броситься наутек.

Умом он понимал, что двое в штатском скорее всего действительно являются сотрудниками Федеральной службы безопасности, но явились они не по его, Красоткина, душу, а для конвоирования контейнера с тромонолом. Однако, увы, в принятии человеком решений участвуют не столько мозги, сколько всевозможные первобытные инстинкты. И они, эти инстинкты, подсказывали Красоткину, что ему следует бежать, бежать, бежать.

Несмотря на свою врожденную тупость, старший научный сотрудник Нудгин правильно угадал, что у Красоткина совесть нечиста. С недавних пор его перестали беспокоить проблемы финансовые, зато стали тревожить вещи другого

рода. Например, существование правоохранительных органов России... Уголовное законодательство с его ответственностью за измену Родине... Ну и многое другое, чем и поделиться-то было не с кем, потому что Наташа предпочитала делать вид, будто ничего особенного не произошло. Красоткин ей завидовал. Хотел бы он тоже обзавестись подобной амнезией.

– Мне бояться нечего, – повторил он, повернулся к Нудгину спиной и покинул лестничную площадку.

Ноги у него были слабые, норовили подогнуться в коленках, а при виде двух мужских фигур в коридоре совсем отказались идти, поэтому Красоткин был вынужден остановиться, делая вид, что роется в карманах.

– Владимир Васильевич, мы к вам, – окликнул его один из двоих мужчин.

Рассмотреть его, стоящего на фоне залитого солнцем окна, было невозможно, но Красоткин узнал голос и испытал невероятное облегчение. Словно с его плеч свалилась гора, а он благодаря этому сделался легким и невесомым, как воздушный шарик.

Почти не касаясь ногами пола, он устремился к сотрудникам ФСБ, приговаривая:

– Товарищ капитан... товарищ майор... А я вас сразу не узнал!..

– Без званий, – осек Красоткина фээсбэшник, представившийся при встрече капитаном Желтухиным.

– Я тебе не любимая девушка, чтобы меня издали узнавать, – мрачно изрек майор Половинкин.

Ничего женственного в его наружности действительно не было. Низкие надбровные дуги, поросшие густыми топорщащимися волосами, близко посаженные глаза, поблескивающие, как пара янтарных пуговиц, жесткие, не гнущиеся в улыбку губы. Ему было не более сорока лет, но казалось, что он успел разочароваться в земном существовании. Что касается капитана Желтухина, то он был полной противоположностью своему спутнику: улыбчивый, жизнерадостный, румяный и красноносый, с белесым пухом на голове, заменяющем ему полноценную прическу.

Пропустив майора за Красоткиным, открывшим дверь в лабораторию, капитан окинул коридор быстрым внимательным взглядом и, убедившись, что поблизости нет любопытных или просто праздношатающихся, последовал за ними.

Кабинет, в который они вошли, представлял собой длинную высокую комнату с единственным окном, занимающим чуть ли не всю торцовую стену. Там стоял письменный стол и допотопный сейф, крашенный зеленой масляной краской, а вдоль боковой стены тянулись книжные шкафы и стеллажи, набитые под завязку книгами.

Для посетителей предназначалась длинная вереница разнообразных стульев, некоторые из которых помнили хрущевские, а то и сталинские времена. Там и пристроился капитан Желтухин, тогда как майор Половинкин предпочел примо-

ститесь на письменном столе, едва не опрокинув настольную лампу с гибкой змеиной шеей. Поразмыслив, Красоткин не опустил в свое крутящееся креслице, а остался стоять.

– Все готово, – доложил он и зачем-то потер ладони, хотя прежде никогда этого не делал.

Эйфория закончилась. Красоткину было все труднее и труднее находиться в присутствии сотрудников самой грозной службы безопасности в мире. Ему хотелось как можно быстрее остаться одному и разложить компьютерный пасьянс или заняться решением газетного кроссворда, как он всегда делал, когда возникала необходимость успокоиться и собраться с мыслями.

А такая необходимость уже возникла и с каждой секундой становилась все более и более настоятельной. Стараясь не проявлять чрезмерной суетливости, Красоткин извлек из кармана связку ключей, нашел нужный и, вставив его в замочную скважину сейфа, повернул. Дверца со скрежетом открылась.

Загораживая корпусом недра железного ящика, Красоткин запустил туда руку и взял серебристый бронированный контейнер, изготовленный в виде чемоданчика «дипломат». Красоткину не хотелось, чтобы сотрудники ФСБ заметили початую коньячную бутылку и коробку шоколадных конфет, хранившиеся в служебном сейфе, но они увидели. Переглянувшись с майором, капитан Желтухин ухмыльнулся:

– Сладеньким балуетесь, Владимир Васильевич?

– Чисто в служебных интересах, – заверил Красоткин, клятвою приложив ладонь к груди. – У нас ведь гости бывают. Как не угостить?

Майор Половинкин проворно спрыгнул со стола, чтобы лучше видеть начальника лаборатории.

– Гости?

Теперь Красоткин прижимал к груди уже не одну, а сразу две руки.

– Так ведь санкционированные! – горячо воскликнул он. – И потом я давал подписку о неразглашении... – Красоткин не стал уточнять, о неразглашении чего именно, поскольку и так было ясно, что речь идет о государственной тайне. – Будьте уверены, я абсолютно лоялен нашей власти.

– Сегодня одной лояльности мало, – произнес Желтухин, назидательно поднимая указательный палец.

– Враг не дремлет, – сказал нахмурившийся Половинкин.

И хотя изреченная истина была банальна, от этого она не переставала быть истиной. Все здравомыслящие люди России понимали это. Во враждебных устремлениях Запада сейчас сомневались только либеральные пустозвоны, да и те высказывали свои сомнения исключительно за деньги – как правило, американские.

– Я знаю, – сказал, вернее, пролепетал Красоткин.

Он действительно знал. Недремлющий враг щедро платил за секретную информацию. Но мог ли он, этот враг, защитить своего информатора от карающей руки правосудия?

Ответ был однозначный: нет.

— Вас что-то беспокоит? — осведомился Половинкин, внимательно наблюдающий за начальником лаборатории.

— Нет, — ответил тот, чуть не выронив серебристый контейнер. — Да, — поправился, сообразив, что ведет себя слишком подозрительно, чтобы ему поверили. — Понимаете... — Он кашлянул в кулак. — Понимаете, я и в самом деле немного не в своей тарелке. Такое ответственное, гм, мероприятие...

— Ну, самое главное позади, — ободряюще произнес Желтухин. — Наверное, изобрести и изготовить тромонол было гораздо труднее, чем передать его по назначению.

— Разумеется. — Красоткин снова поднес пятерню ко рту, но кашлять не стал, а просто почесал нос, изображая задумчивость. — Прошу вас соблюдать необходимые меры предосторожности, изложенные... изложенные... — Достав из контейнера два скрепленных листка с текстом, он закончил: — В инструкции.

— В этом можете не сомневаться, — заверил Половинкин.

— Это сверхмощное взрывчатое вещество. Если, не приве-
ди господь, что-то пойдет не так...

— Все пойдет так, как нужно, Владимир Васильевич.

— Надеюсь. Потому что это опытный образец, который нам удалось создать в лабораторных условиях. — Красоткин развернул контейнер, демонстрируя визитерам содержимое. — На создание его ушло три года, и я не уверен, что мы сумеем повторить результат с первой и даже с третьей попытки.

Половинкин нахмурился:

– Вы что же, никаких записей не ведете? – спросил он.

– Документация-то в полном порядке. Но, видите ли, пока что мы имеем всего лишь несколько удачных экспериментов. Иными словами, нет стопроцентной уверенности в том, что тромонол можно будет воспроизвести с первой или со второй попытки. – Красоткин развел руками. – Конечно, я надеюсь на идентичный результат, но...

Офицеры ФСБ переглянулись, потом одновременно уставились на начальника лаборатории.

– Но эта партия работает?

Задавший вопрос Половинкин кивнул на запаянные и покрытые светонепроницаемым лаком колбы, уложенные в специальные ячейки контейнера.

– Должна, – ответил Красоткин. – Это и призваны подтвердить испытания. Вы ведь отправите груз на полигон, как я понимаю?

– Вы правильно понимаете, – кивнул Желтухин. – Однако распространяться на эту тему не рекомендуется.

– Молчу, молчу. Держу, так сказать, язык за зубами.

Красоткин сделал серьезное выражение лица, давая понять, что будет нем как рыба. Вместе с этим он вдруг вспомнил, что сопровождать тромонол будут не только спецконвоиры, но и два бойца внутренней безопасности института, которые не очень-то скрывали, какое ответственное задание они получали. Болтали о новейшем взрывчатом веществе

повышенной мощности и другие сотрудники НИИ. Это делало положение самого Красоткина не столь уязвимым. Он подумал, что будет не так-то просто определить источник утечки информации.

В том, что утечку рано или поздно обнаружат, Красоткин не сомневался. Ведь речь шла не о какой-то ерунде, а о сверхмощной взрывчатке.

– Здесь радиодетонаторы, – пояснил Красоткин, демонстрируя блоки размером с сигаретную пачку. – А это – пульты дистанционного управления.

– Похож на телевизионный, – заметил Желтухин, осторожно беря пульт в водонепроницаемой оболочке.

– Он и есть телевизионный, – сказал Красоткин, – только лишние кнопки удалены, видите? Мое рацпредложение.

– Рацпредложение? – переспросил Половинкин.

– Ну да. Расшифровывается как «рациональное предложение». Термин такой был во времена СССР, помните?

– Нет. Не помню.

– Тогда вообще было много чего хорошего, – вздохнул Красоткин. – И никаких тебе банковских кредитов.

Фээсбэшники поддерживать разговор о чудесных временах в Советском Союзе не стали. Прихватили контейнер, напомнили о необходимости хранить государственную тайну и были таковы.

Когда дверь за ними закрылась, Красоткин упал в скрипнувшее кресло и долго сидел неподвижно, делая глубокие

вдохи и выдохи. Для того чтобы окончательно успокоиться, этого оказалось мало. Тогда Красоткин открыл сейф, глотнул коньяка прямо из горлышка, сунул в рот конфету и стал жевать, шумно сопя носом.

Повторив эту нехитрую процедуру, он извлек из кармана мобильник, набрал нужный номер и после скупого ответа негромко произнес:

– Племянник выехал. Встречайте.

После этого Красоткин еще раз хлебнул коньяку, а потом еще и еще. К обеду он находился в таком состоянии, что ему пришлось покинуть рабочее место и отправиться домой, чтобы проспать.

– Племянник выехал, – бормотал он, раскинувшись на диване, – племянник выехал.

Безобидная фраза звучала загадочно и пугающе.

Между тем майор Половинкин и капитан Желтухин и думать забыли о существовании начальника лаборатории Красоткина Владимира Васильевича. Со всеми удобствами устроившись в черном джипе с тонированными стеклами, они катили в сторону специального секретного полигона под Котлуном.

Населенный пункт под таким названием значился исключительно на служебных картах, тогда как жители звали свой поселок иначе. Конечно, они догадывались, что местный полигон имеет военное назначение, но выяснить, что именно

там происходит, никак не могли по причине полосы отчуждения двухкилометровой ширины.

Те, кто пытался пробраться в запретную зону, неизменно отлавливались и получали столь серьезное внушение, что потом не хотели даже смотреть в сторону полигона, а сердито сплевывали и отворачивались, хотя порой там происходили события прелюбопытные. Кто-то слышал выстрелы, кто-то – взрывы, а иные даже видели в небе странные вспышки и светящиеся летающие предметы, смахивающие на НЛО. «Оборону укрепляют», – шушукались местные жители и были правы. При всем миролюбивом характере своей внешней политики, Российская Федерация не забывала о том, что необходимо защищать свои рубежи от всех тех, кто мечтает захватить ее плодородные земли и природные ресурсы. Мощь евроазиатской державы росла как на дрожжах, и конца этому видно не было.

К такому выводу пришли оба офицера ФСБ, которые, как и все люди, любили потрепать языками в свободное время.

– Слышал анекдот о том, как наш президент европеоидам не только газовые, но и канализационные трубы перекрыл? – спросил Половинкин.

– Ага, – сказал Желтухин и засмеялся.

– А вообще-то ситуация невеселая, – заметил майор.

Покосившись на него, капитан насупился и поиграл желваками.

– Да, – согласился он. – Каждый год как предвоенный...

И чего им нейдет, западникам хреновым?

– Россия им как кость поперек горла.

– Помню, в газетах когда-то про волчий оскал американского империализма писали, – проворчал Желтухин. – Я думал – врут. А оно вон как вышло.

– Ничего-о, – протянул Половинкин. – Настанет время, мы им фитиль промеж ног вставим. – Он похлопал рукой по боковой крышке серебристого контейнера: – Да вот хотя бы тромоноловый.

И оба офицера одновременно улыбнулись своим мыслям, которые на данный момент были у них абсолютно одинаковые.

Двухэтажный особняк, стоящий у лесной опушки, казался нежилым. За закрытыми воротами не наблюдалось никакого движения. Стояла такая тишина, что было слышно, как жужжат еще не вполне проснувшиеся пчелы, пьянеющие от напоенного ароматами воздуха.

Присмотревшись повнимательнее, можно было отметить некоторые странности, бросающиеся в глаза. Во дворе дома не было ни сараев, ни обычного хозяйственного хлама, ни даже уборной, хотя о канализации в этой глухомани мечтать не приходилось. Не тянулись к дому и электрические провода, что заставляло предположить, что здесь обитают какие-нибудь отшельники, не нуждающиеся в телевидении, Интернете и прочих благах цивилизации. Вернее, обитали,

поскольку, как уже говорилось, возле дома не наблюдалось признаков человеческой жизни.

А подойдя поближе, любопытные обнаружили бы, что и само строение какое-то странное: с ничем не заделанными щелями, косой кладкой, едва-едва закрепленной кровлей... Словно сооружали дом тяп-ляп, для виду, не собираясь в нем жить.

Зрители удивились бы еще больше, если бы перевели взгляд на протянувшийся справа луг и увидели там две человеческие фигуры. Затянутые в серо-зеленый камуфляж, в масках и с укороченными автоматами в руках, они быстро ползли к дому, проделывая это столь скрытно и бесшумно, что птицы взлетали из травы не раньше, чем лазутчики приближались к ним почти вплотную.

Тот, что лидировал, поднял руку в перчатке и замер, пропуская напарника вперед. Пока напарник ужом полз к забору, первый мужчина занял положение для стрельбы лежа, как бы готовясь отстреливаться от несуществующего противника. Для него это была не игра.

Напарник в два счета перемахнул забор, бесшумно спрыгнул на утоптанную землю двора и метнулся к кирпичной стене. Рука в перчатке прилепила к ней какой-то бесформенный комок размером с теннисный шарик, после чего пятнистая фигура, не задерживаясь, покинула двор. Соединившись, напарники отползли метров на пятьдесят, втиснулись в канаву и пригнули головы. Тот, который побывал во дворе забро-

шенного дома, достал пульт, смахивающий на телевизионный.

– Что? Посмотрим? – спросил он.

– Боевичок, – хохотнул напарник. – Чтобы огня побольше.

– Сделаем, – пообещал первый.

Его палец утопил большую красную кнопку на пульте. В тот же миг там, где стоял дом, образовался гигантский огненный шар и лопнул с таким оглушительным грохотом, что подрывников вжало в землю.

– Ух ты, – восхитился второй, когда поднял голову.

От особняка и забора осталась одна бесформенная дымящаяся груда. Их возвели наспех, не особенно придавая значение внешнему виду, но все же кирпичи скреплялись настоящим цементным раствором, а ограда была сложена из толстых железобетонных плит. И вот теперь все это рухнуло и рассыпалось, как карточный домик.

Мужчины встали, чтобы лучше видеть.

– Ну и взрывчатка, – сказал первый. – Сама с гулькин нос, а моща-то, моща!

– Ни тебе фугасов, ни тебе гильз, – поддакнул второй. – Знатная штука. С нею можно запросто Нью-Йорк за день разнести.

– На кой нам Нью-Йорк сдался?

– Ну, если полезут.

– Не полезут. – Первый шумно втянул носом воздух и сплюнул, попытавшись попасть в шмеля, кружащегося над

полевым цветком. — Покуда у нас такие штуковины имеются, ни одна тварь к нам не сунется...

Иными словами, но примерно то же самое думали командиры двух подрывников, наблюдавшие за происходящим сквозь окуляры сверхмощных биноклей и телескопических труб. Испытание прошло более чем успешно. Не скрывая удовольствия, седовласый генерал поманил к себе порученца. Так великолепно проявившему себя тромонолу предстояло долгое путешествие в Челябинск, где его надлежало усовершенствовать, испытать в более сложных условиях и передать специалистам для запуска в производство.

По долгу службы генерал был прекрасно осведомлен о всех взрывчатых веществах, применяющихся на планете. Но тромонол, это детище взрывотехники и современнейших нанотехнологий, превосходил все известное до сих пор человечеству.

Эпоха пороха, гексогена и пластида постепенно уходила в прошлое. Ученые военных ведомств лихорадочно изобретали все новые и новые взрывчатые вещества. С каждым годом уменьшалась их масса и повышалась поражающая сила. Ракеты и бомбы становились легче, летели быстрее и дальше, обладая при этом поистине убийственным эффектом.

По мнению генерала, у тромонола было великое будущее. Он не вызывал трудностей при хранении, легко транспортировался, не мог быть обнаружен с помощью служебных собак и, главное, стоил достаточно дешево, чтобы не нагружать

и без того перегруженный военный бюджет России.

Щепоткой новой взрывчатки можно было разнести в клочья грузовой автомобиль, а двести граммов тромонала не оставили камня на камне от специально возведенного для испытаний особняка. Выявить присутствие этого дьявольского вещества не получалось даже посредством спектрометрии, потому что оно попросту испарялось до последней молекулы.

– Пентагон теперь попляшет, – пробормотал генерал, оглаживая ладонью свежевывритые, наодеколоненные щеки.

– Простите? – подал голос порученец.

Генерал уставился на него непонимающим взглядом, потом суровые морщины на его челе разгладились.

– Пусть готовят вагон и группу сопровождения, – сказал он. – И чтобы ни одна живая душа...

Не договорив, он сжал кулак и потряс им перед носом младшего офицера.

Козырнув, тот побежал выполнять поручение.

Глава вторая

В путь!

Воскресенье, 12 мая

Казанский вокзал в Москве, как всегда, был шумен и многолюден. Величественный, как средневековая крепость, он работал на пределе возможностей. Прибывали и убывали поезда, сновали туда-сюда пассажиры и провожающие, безостановочно звучали объявления, заставляющие толпы людей устремляться в разных направлениях.

В 15.00 пригласили на посадку тех, кто собирался отправиться в далекий город Челябинск. Поезд подали на четвертый путь. Возле синих вагонов стояли проводники, которые проверяли билеты и давали лаконичные справки суетливым пассажиром.

Внимательный наблюдатель заметил бы, что последний – четырнадцатый – вагон почему-то не пользуется популярностью. Туда вошли, один за другим, восемь крепких мужчин с большими спортивными сумками, и дверь за ними моментально захлопнулась. Ни проводника, ни проводницы. И ни одной скушающей физиономии за мутным окном. Как будто вошедшие в вагон вдруг испарились.

Но все восемь были живы-здоровы и, надо сказать, неплохо себя чувствовали.

Во-первых, они были полными хозяевами в вагоне, замаскированном под обычный, но имеющем внутри лишь пять, а не стандартных восемь пассажирских купе. Во-вторых, каждый из них чувствовал себя в полной безопасности за бронированными окнами и дверями, снабженными специальными замками. В-третьих, поездка обещала быть долгой и приятной, без всяких происшествий и форс-мажоров, поскольку проводилась в обстановке полной секретности, так что никаких чрезвычайных происшествий и неожиданностей ожидать не приходилось.

– Ох и выплусь же я, – мечтательно проговорил Глеб Галкин, потягиваясь при этом несколько жеманно, в полном несоответствии со своей внешностью грозного викинга. – Почти сорок три часа в пути. Это если без опозданий.

Георгий Николаевич Белоусов посмотрел на него с нескрываемым неодобрением.

– Я тебе выплусь! – прикрикнул он. – Мы тут не на прогулке, парень.

Эти двое являлись штатными охранниками службы безопасности того самого научно-исследовательского института, где изготовили опытные образцы тромонола. Теперь им предстояло сопровождать серебристый контейнер в пути, отвечая за него головой. Белоусов, назначенный начальником конвоя, не собирался давать никаких поблажек своему подчиненному.

Вооруженные одинаковыми пистолетами Макарова, кон-

воиры занимали четвертое купе. Раскладывая вещи и стеля постели, они постоянно задевали друг друга, поскольку являлись мужчинами крупными и довольно неуклюжими.

Галкину минувшей зимой перевалило за тридцать, у него было волевое лицо, светло-серые глаза и нос картошкой, что несколько портило его мужественный облик. Свои выющиеся светлые волосы он стриг под полубокс, оставляя небольшой задорный чубчик на гладком лбу, лишенном всяческих признаков не то что нынешних, но и будущих морщин. Рубашку цвета хаки, облегающую рельефную мускулатуру, он заправлял в джинсы, а джинсы подтягивал так высоко, что можно было разглядеть очертания его сдавленных гениталий и выставленные напоказ носки канареечного цвета.

Белоусов предпочитал одежду мешковатую, темную, без затей. Был он мужчиной кряжистым, обстоятельным, степенным. Никаких усов, вопреки фамилии, он не носил, к парнику относился с большим предубеждением, а к заданию – со всей ответственностью старого служаки, готовящегося к уходу на пенсию.

Галкин считал его занудой и втайне мечтал о том счастливом дне, когда сам станет начальником службы охраны.

– Чего ты так разволновался, Георгий Николаевич? – скривился он, запихивая подушку в слишком тесную наволочку. – Мы ж тут не одни. Аж ввосьмером вместе с группой сопровождения. Боевая единица.

– У них свои обязанности, а у нас свои, – назидательно

изрек Белоусов и уселся на аккуратно заправленную постель, положив жилистые руки поверх квадратного вагонного столика. – Спать будем по очереди, из купе выходить только по крайней необходимости.

– Это когда в сортир приспичит? – уточнил Галкин.

– Ну не в вагон-ресторан же? – буркнул Белоусов.

– Туда пусть лохи бегают. У меня с собой полный продуктовый арсенал.

– И пиво захватил?

– А то!

– Иди вылей, – распорядился Белоусов, уставившись на свои сжатые кулаки.

– Ты что, Николаич? – возмутился Галкин.

– Не Николаич, а Георгий Николаевич. Ступай. Я третий раз повторять не стану.

– А если я не слушаюсь? – с вызовом произнес Глеб.

Белоусов по-прежнему глядел не на него, а на свои руки.

– Пожалеешь, – коротко произнес он.

– В смысле, в морду получу? Так я отвечу. – Галкин выпрямился во весь рост и воинственно подтянул джинсы еще выше.

Георгий Николаевич покосился на его промежность, потом поднял взгляд.

– Если бы я тебе в морду зарядил, – веско произнес он, – то ты бы на койке отдыхал до самого Челябинска. Нет, парень, никакого рукоприкладства. Просто выставлю тебя из

вагона, а там пусть с тобой руководство разбирается.

– Так пиво же, не водка! – упирался Белоусов, хотя уже было видно, что он сдаётся.

– Я слышал, что пиво. А ты меня слышал? Иди вылей.

Достав из сумки коричневую двухлитровую бутылку, Галкин насупился и направился к выходу.

– погоди, – остановил его Белоусов.

– Чего? – В глазах парня засветилась надежда.

– Вторую прихвати.

– Ну ты даешь! Какую вторую?

– Ту, что рядом с первой, – невозмутимо сказал Белоусов.

Хмыкнув, Галкин извлек из сумки вторую двухлитровую бутылку пива.

– Как узнал? – поинтересовался он.

– Догадался. – Белоусов пожал плечами: – Такому лосю разве ж двух литров хватит?

Галкин ухмыльнулся, а потом нахмурился.

– Гад ты все-таки, Георгий Николаевич, – сказал он.

– Гад, – согласился Белоусов. – Еще какой. Но исключительно по долгу службы, а не из вредности. Так что ступай, парень, ступай.

Он указал на дверь.

За окнами как раз объявили отправление скорого поезда Москва – Челябинск. Состав дернулся и поплыл вдоль перрона, на котором столпились провожающие.

– Туалет, наверное, еще закрыт, – предположил Галкин,

перетаптываясь в коридоре.

Видимо, он еще надеялся на то, что суровый начальник смягчится, но чуда не произошло.

– У нас открыт, – заверил Белоусов. – Полная автономия.

Испустив еще один тягостный вздох, Галкин зашагал в сторону заднего тамбура. Там находился второй пост охраны, за который отвечали двое бойцов группы сопровождения – Валера Беляев и Ваня Юдин. Галкин рассчитывал проскользнуть незамеченным, но Юдин, как назло, торчал в тесном закутке возле туалета, поправляя ремень укороченного автомата Калашникова, болтающегося у него на плече. Из тамбура явственно тянуло сигаретным дымом, его товарищ стоял там и курил.

– Пивка для рывка? – пошутил он, увидев Галкина с двумя внушительными бутылками в руках.

– Прокисло, – сказал Глеб, которому совсем не улыбалось объяснять, что с ним обошлись, как с каким-то салагой.

– Быть того не может, – авторитетно заявил Юдин. – Оно же пастеризованное.

– Говорят тебе, скисло.

Галкин хотел уже протиснуться в туалет, когда его осенила блестящая, как ему показалась, идея.

– Слушай, – сказал он, – а ведь и правда!

– Ты о чем? – насторожился Юдин.

– О пиве. Не могло оно скиснуть. Забирай. С тебя четыре сотни.

– «Мушкетерское»? – Юдин взглянул на этикетку. – Не-а. Оно по восемьдесят.

– Бери за двести пятьдесят, – решил Галкин. – За оба баллона.

– Не-а.

– Что ты заладил, «не» да «не».

– Беляев, – Юдин ткнул пальцем в сторону тамбура. – Заложит.

– А ты тихонечко, – посоветовал Галкин, решивший во что бы то ни стало возместить хоть часть затрат. – Он не учует.

– Валерка? У него нюх, как у собаки. – Юдин с печальным видом покачал головой и перевесил свой АК-74У на другое плечо. – Сам пей свою кислятину.

– Почему кислятину? – возмутился Галкин. – Нормальное пиво.

– А кто мне минуту назад втирал, что оно прокисло?

– Да это я просто так. Пошутил.

Юдин хотел возразить, но не успел. Дверь тамбура распахнулась, и оттуда выглянул Валерий Беляев.

– Вы чего это тут? – поинтересовался он, подозрительно косясь на емкости в руках Галкина.

– Говорим, – ответил тот. – А что, нельзя?

– Если языком болтать попусту, то нет, – отрезал Беляев, здоровенный детина с длинными руками, автомат на плече которого казался игрушечным. – Тут пост, а не пивная.

– Глеб мерами безопасности интересуется, – нашелся оробевший Юдин.

– Ну спрашивай, – разрешил Беляев. – Что тебя беспокоит?

Почесав затылок, Галкин высказался в том смысле, что беспокоит его вентиляционная система вагона.

– А то будет как в том фильме французском, – пояснил он, – где охрану газом траванули. Шланг в дырку просунули, и пш-шт-тт...

Беляев снисходительно усмехнулся.

– Тут никаких «пшт» быть не может, – сказал он. – Исключено. В вагоне отдельная фильтро-вентиляционная установка функционирует, воздух очищает. Ну, по типу армейской, с сигнализацией отключения или повреждения. Если что, на пульте сразу красная лампочка загорится.

– Тогда я спокоен, – заявил Галкин, сделав серьезную мину.

– А вот я – нет, – сказал Беляев.

– Это почему?

– Потому что спиртное распивать на работе запрещено.

– Не спиртное, а слабоалкогольное, – буркнул Галкин. – И потом, никто не распивает.

– Чего же ты с этими бутылками по вагону носишься, как дурень со ступой?

– У напарника конфисковал.

– Ну? – изумился Беляев.

– Вот тебе и «ну», – сердито произнес Галкин. – Николаич пивка для рывка предложил, а я ему: «Не положено».

– Молодец.

– Сам знаю. Ну-ка...

Потеснив недоумевающего Юдина, Галкин протиснулся в туалет, отвинтил крышку и принялся лить пиво в унитаз. Выражение его лица было страдальческим, но решительным. Как будто он себе собственноручно зуб рвал. Или пулю удалял, полученную во время героической обороны.

В переднем тамбуре, расположенном в противоположном конце вагона, разговор шел не о напитках и не о вентиляционной установке. Там была выбрана тема более увлекательная. Обсуждали ее двое – Антон Новиков и Виктор Титов, вооруженные такими же укороченными «калашами», как те, что находились у Юдина и Беляева.

С первого взгляда Новиков был писанным красавцем – густые черные брови вразлет, тонкий нос с горбинкой, яркие, вечно влажноватые губы. Портили его плохие зубы, тем более что некоторые из них вообще отсутствовали, вынуждая его строить из себя не улыбчивого, немногословного парня. Отчаянно смелый, просто-таки бесшабашный в бою, он до чертиков боялся дантистов, а потому предпочитал лечить зубы сам, то полоская рот какими-то экзотическими настойками, то втирая в десны еще более экзотические мази. Все это помогало мало, а скорее всего и вовсе не помогало.

Общаясь с девушками, Новиков старался не улыбаться и

цедил слова так, что казался парнем угрюмым, хотя натура у него была жизнерадостная, живая. Раскрывался он лишь в компании боевых друзей, знавших его как облупленного. От них ему скрывать было нечего, да и незачем.

– Вот захожу я в кухню, а она такая стоит... – Новиков изобразил руками нечто вроде фигурной вазы. – Просвечивается вся на солнце в халатике своем беленьком.

– А под ним? – взволнованно спросил Титов, кряжистый, мохнатый коротышка, у которого волосы росли повсюду, да так густо, что он смахивал на небольшого кривоногого медведя, обряженного для потехи в военную форму.

– А под ним известно что, – усмехнулся Новиков.

– Ничего?

– Почему ничего... Трус, лифчик, все как полагается. Но халатик-то просвечивается.

– Это хорошо. – Титов сглотнул слюну. – А то моя вон напаялит какую-то хламиду байковую и шляется в ней по дому днем и ночью. Я ей: «Дай хоть тебя рассмотреть, Люсь». А она: «Себя рассматривай. В зеркале». А чего я там не видел?

– Ну, зрелище, наверное, выдающееся, – засмеялся Новиков, выставляя на обозрение подводящие его зубы. – Есть на Волге утес, диким мохом оброс.

– Сам ты утес, – надулся Титов. – Щас двину в пятак, чтоб знал.

– Это же песня такая, чудак-человек. – Новиков приобнял товарища. – Народная. Батя любил петь, как выпьет.

– А эта твоя... как ее?... Она чего поет?

Таким образом бесхитростный Титов решил перевести беседу на более интересную ему тему. В принципе, Новиков не возражал.

– Аглая, – уточнил он. – Вот стоит она в своем розовом халатике...

– Ты говорил, в белом.

– Трусы белые. И лифчик. А халат – розовый.

– Да? – удивился Титов.

Не давая ему опомниться, Новиков продолжал:

– Подхожу я, значит, и, недолго думая, кладу ей руку вот сюда. – Он показал, с удовольствием заметив округлившиеся глаза благодарного слушателя. – Она: «Ох да ах, да как ты смеешь? Я не такая!» Но не вырывается. Просто смотрит на меня надменно.

– А ты?

– А я вторую руку кладу сюда. – Новиков прикоснулся к бронежилету Титова. – И говорю: «Могу, конечно, убрать». – «Убери», – отвечает. «Какую, – спрашиваю, – левую или правую?»

Титов издал нечто напоминающее хрюканье:

– Ух... А она?

– Обе, говорит. Тогда я спрашиваю: «Ты этого действительно хочешь, Агата?»

– Аглая!

– Ну да, Аглая, – поправился Новиков. – «Ты этого дей-

ствительно хочешь, Аглая?» Она: «Хочу». Глаза так и сверкают, ноздри раздуваются.

– У тебя?

– Зачем у меня? Я спокоен, я свое дело знаю, – сказал Новиков. – Я ей новый вопрос: «Очень, – спрашиваю, – хочешь?» – «Очень, – отвечает, – хочу». Тут я, не будь дурак, и говорю: «И я тоже очень хочу, Аглая. Не дадим же друг другу сгореть от страсти».

– Круто, – оценил Титов. – И что Аглая? Не отдалась?

– Как раз очень даже отдалась, – ухмыляясь, Новиков многозначительно подмигнул. – Усадил я ее, и поехали-поехали за спелыми орехами.

– Круто, – повторил Титов. – Куплю, наверное, Люське своей халат новый. Прозрачный, как у твоей. – На его лбу прорезались морщины. – Так белый или розовый?

– Не помню, – отмахнулся Новиков, давая понять, что ему дела нет до столь малозначительной детали. – Агата с тех пор вообще без ничего при мне ходила.

– Аглая, – напомнил внимательный Титов.

– Аглая в прошлом, Витек. Я теперь с Агатой живу.

– Значит, она тоже?

– Что – тоже?

– Голая ходит?

– А чего ж ей не ходить? – Новиков скорчил самодовольную мину. – Я, видишь ли, скромниц не шибко уважаю. То им свет выключи, то они так не желают, то они сяк не могут.

– Во-во! – оживился Титов. – Я от Люськи вечно одно и то же слышу: не могу, не желаю. Познакомил бы ты меня с ними, Антоха.

– С кем – с ними? – опешил Новиков.

– Ну с этой Агатой своей... и с Аглаей. Мне уже тридцатник скоро, а я толком бабы голой не видел.

– Выбрось эту дурь из головы, Витек.

– Это почему?

– Женщины все одинаковые, и всё у них приблизительно одинаковое. – Голос Новикова звучал покровительственно. – Потерпи чуток, твоя Люська еще разойдется. Насмотришься еще.

– Скорей бы, – мечтательно протянул Титов, прижавшись взопревшим лбом к прохладному стеклу. – Жизнь-то у нас одна. Много успеть надо.

– Успеешь. Смотри на все по-философски.

– Я и смотрю по-философски. Но все-таки хотелось бы, чтобы поскорее.

Произнеся эти слова, Титов умолк, глядя за окно, где проносились бескрайние поля за редкими лесополосами. Изредка мелькали деревушки и крохотные полустанки с причудливыми названиями. Все это была часть огромной Родины всех, кто сопровождал сейчас взрывоопасный груз в серебристом контейнере. Одна на всех. И каждый любил ее по-своему.

В пятом купе, смежном с тем, где ехали Галкин и Бело-

усов, играли в шахматы офицеры Константин Ефремов и Дмитрий Самсонов. В подсумках у каждого хранились гранаты – по две Ф-1 и по три РГД-5 на каждого. Помимо автоматов Калашникова оба были вооружены пистолетами, подвешенными в кобурах так, как их носят спецназовцы. несколько ниже обычного.

Ефремов и Самсонов представляли собой подгруппу огневого прикрытия. Это были мужчины из той породы, о которых женщины говорят: за ними как за каменной стеной. Оба весили под девяносто, много ели, крепко спали и предпочитали любым словам действия. Правда, вынужденные сидеть в четырех стенах, они были вынуждены разговаривать, поскольку не знали, как еще убить время.

Собственно, беседу затеял Ефремов, плечистый мужчина с кривым ртом, ясными глазами и такой глубокой ямочкой на подбородке, что ее можно было принять за шрам от пулевого ранения. Его собеседник, Самсонов, имел круглое невыразительное лицо с вяло очерченными, бледными губами, почти сливающимися цветом с кожей. Редкую челку он старательно зачесывал на лоб, а потом смачивал и сдвигал расческой набок. У него были такие большие и сильные ладони, что, подвыпив, он на спор раздавливал граненые стаканы и сминал алюминиевые кружки.

Многословные рассуждения Ефремова о великом будущем России Самсонову импонировали, но понемногу начали надоедать – ведь какой резон талдычить одно и то же, когда

речь идет о вещах совершенно очевидных, не подлежащих оспариванию.

– Жвачку будешь? – спросил он, чтобы прервать поток утомивших его разглагольствований.

– А? – захлопал глазами увлекшийся Ефремов.

– Жвачку будешь? – повторил Самсонов, протягивая на ладони распечатанную упаковку жевательной резинки.

– Нет.

Ефремов потер лоб, пытаюсь вновь уловить потерянную нить рассуждений. Самсонов ему этого сделать не дал.

– Ну, на «нэт» и суда нэт, – произнес он с кавказским акцентом. – Помнишь такой анекдот?

– Помню. Из детства, когда еще СССР стоял.

– Раньше хороших анекдотов ходило мало, но я их все почему-то помню, – поделился впечатлениями Самсонов. – Теперь их в каждой газете печатают, а читать неохота. Не смешно. Почему?

– Не знаю, – равнодушно ответил Ефремов, скривив рот еще сильнее. – Лично мне анекдоты до одного места. – Он показал, до какого именно. – Сейчас не до них. Слыхал, америкосы новые санкции против нас вводят? За то, что мы Арктикой с ними делиться не хотим. – Он сокрушенно покачал головой: – И чего рыпаются, не пойму? Господь все на Земле поровну поделил: вот ваше, вот наше.

– Господь? Ты что, верующий?

– А то как же? Не умерла еще православная вера...

Самсонов почувствовал, что начинает заводиться.

– Православие? – желчно переспросил он. – Вера? Во что? В то, что нас мордуют от рождения до смерти за то, что, видите ли, Адам Еву прижал к дереву? Ерунда какая-то. Инду-сы себе хоть переселение душ придумали.

– Ну и поезжай в Индию переселяться, – обиделся за православие Ефремов. – Чего ж ты в России торчишь?

– Здесь родина моя! – обиделся и Самсонов. – Живу я тут.

– А раз живешь тут, то не плюй в колодец.

– Я не в колодце живу, а на родине.

Вполне резонное заявление еще больше взвинтило Ефремова. Его возмущенное сопение перекрыло вагонный скрежет и перестук колес по рельсам. Сопел он долго, пока, наконец, нашелся с ответом.

– Вот что я тебе скажу, друг ситный, – начал он. – Верь во что хочешь, хоть в черта лысого, а православие не трогай. На нем все держится. – Ефремов повел рукой, имея в виду, конечно, не убогий интерьер купе, а все, что находилось снаружи: плодородные пашни, леса, реки, большие и малые города, а также всех тех, кто обитал в них, гордо называя себя россиянами. – И сейчас, когда НАТО у самых границ стоит, а Запад на богатства наши пялится, негоже о патриотизме забывать.

– Так я, по-твоему, не патриот? – вскипел Самсонов. – Что же я тогда тут делаю, с оружием в руках? Я Родину защищаю. Крым и рым прошел. Эх ты!..

Махнув рукой, он отвернулся. Его лицо покраснело, словно в него плеснули кипятком.

Ефремов понял, что перегнул палку. Его рука осторожно легла на плечо товарища. Тот сбросил ее резким движением, но Ефремов снова вернул руку на место.

– Извини, – сказал он. – Погорячился.

– Колодец какой-то припел, – буркнул Самсонов, продолжая смотреть в сторону, хотя было видно, что он начинает смягчаться.

– Это все от голодухи, – решил Ефремов. – Перекусить надо.

– Сам перекусывай.

– Нет, брат, давай уж вместе. Хвались харчами. Чего там у тебя?

Оказалось, что Самсонов подошел к заготовке съестных припасов основательно. На стол легли вареные яйца, толстые колбасные бутерброды в целлофане, нарезанный сыр, упаковка ряженки и крупная редиска с обрезанными хвостиками.

Ефремов тоже не ударил лицом в грязь. Он присоединил к образовавшемуся натюрморту парниковые огурцы, мятый белый батон, золотистую ставриду горячего копчения и влажную, нежно-розовую ветчину.

Некоторое время друзья жевали молча, но постепенно снова разговорились, не обращая внимания на то, что реплики, доносящиеся из набитых ртов, звучали не слишком

внятно. Говорили о большой политике, о неизбежной войне, о семейных неурядицах и просто о женщинах, без которых, разумеется, ни один, ни другой жизни себе не представлял.

Очистив яйцо, Самсонов целиком засунул его в рот, пожевал, вытер пальцы о замасленный краешек газеты и спросил:

– Как думаешь, без приключений доедем?

– Никогда наверняка не знаешь, – рассудительно сказал Ефремов. – Помнишь, как ученого из Приднестровья везли?

– Еще бы! – Качая головой, Самсонов откусил ломоть ветчины, намазанный горчицей. – Нас тогда чуть не положили.

– Но мы им дали жару, будь здоров.

– Не говори. Двоих наповал, одного колесами по асфальту размазали. Было дело.

– А ведь тоже начиналось все тихо-мирно, – сказал Ефремов, косорото приложившись к упаковке кефира. – А потом...

Он не договорил, не найдя нужных слов, но Самсонов его понял.

– Потом – да, бляха-муха, – согласился он, качая головой.

И боевые товарищи надолго умолкли, вспоминая тот бой – один из многих, выпавших на их долю.

За мутным, захватанным пальцами окном проносилась необъятная Россия, мирно дремлющая под охраной своих сыновей.

А шахматная партия так и осталась незавершенной.

Глава третья

Аки тати в нощи

Воскресенье, 12 мая

К вечеру тени удлинились, подул свежий ветерок, в шорохе листвы появилось что-то таинственное. Евсеев любил эту пору, когда можно было предаться размышлениям о бренном и вечном, отдавая предпочтение второму. Молодая, сочная трава вдоль дорожной обочины, на которой он стоял, еще не успела запылиться и радовала взор своей изумрудной зеленью.

«Хорошо, – подумал Евсеев, – хотя это не продлится долго. Как и наше существование на этой странной планете под названием Земля».

Мимо проносились разноцветные иномарки, но махать им рукой было, все равно что снаряды на лету останавливать, поэтому Евсеев не делал лишних телодвижений, голося лишь при появлении стареньких отечественных автомобилей. Избранная тактика себя оправдала. Не прошло и десяти минут, как у обочины притормозил зеленый «Москвич». Торговаться тоже долго не пришлось. Заслышав про три сотни, водитель сверкнул стальными зубами и воскликнул с лихостью потомственного извозчика:

– Э, да ладно, садись. Где наша не пропадала!

– Везде пропадала, – сказал Евсеев, устраиваясь на про-
давленном переднем сиденье.

Отсмеявшись, водитель разогнал «Москвич» до буквально потрясающей скорости семьдесят километров в час, откинулся на спинку кресла и представился Григорием.

– Семен, – откликнулся Евсеев, прикидывая, старше ли он Григория лет на пять или, наоборот, лет на пять моложе. – Мы, кажется, ровесники? – вежливо поинтересовался он.

– Если тебе сороковник, то да. Больше половины жизни псу под хвост.

Тут Евсеев обратил внимание на фотографию, украшающую треснувшее лобовое стекло. Это был снимок Есенина, но не тот классический портрет с трубкой, столь популярный в народе. Руководствуясь какими-то непонятными мотивами, Григорий остановил выбор на увеличенной фотографии мертвого поэта. Из-за рассыпавшихся кудрей и страдальческого излома бровей Есенин походил на обиженного мальчика, уснувшего в слезах. Приоткрытые губы еще таили звук последнего горестного вздоха.

Евсеев посмотрел на фотографию и поспешил отвести взгляд.

– Не бойсь, – воскликнул Григорий, по-своему понявший порывистое движение попутчика. – Это же Сергей Есенин.

– А почему мертвый? – спросил Евсеев.

– Какому ж ему быть, после того как его убили? – резонно ответил Григорий, лаская обеими руками обмотанную изо-

ляционной лентой баранку. – Откуда родом?

– Не знаю, не помню.

– Где родился, не помнишь?

– В одном селе, – заулыбался Евсеев, – может, в Калуге, а может, в Рязани...

– Из психушки сбежал? – вторично насторожился Григорий.

– Это я Есенина цитирую.

– Таких стихов не знаю, в фильме их не было. Зато вот: «...хулиган я, хулиган, от стихов и сыт и пьян...» А? Как сказано?

– Не совсем точно.

Евсеев кашлянул, готовясь поправить Григория, но тот его опередил:

– Быть того не может. Они проверять не станут.

– Кто «они»?

– Безуховы... или как их там? Тьфу, дьявол, фамилия из головы вылетела. – Григорий раздраженно ударил кулаком по баранке. – Папаша и сын с невесткой. Они мировой сериал про Серегу отсняли лет десять назад. Я как посмотрел, так сразу понял: наши люди, великорусские.

– И все-таки почему фотография мертвого Есенина? – повторил вопрос Евсеев.

– Это фото в каждой серии показывали, – пояснил Григорий. – Оно как напоминание.

– О чем?

– О чекистах-инородцах, что Россию-матушку кровью залили. Иуда Троцкий и компания. Вот змеи подколенные! Годами вокруг Есенина увивались, своего часа ждали, чтобы ужалить. Цирлихи-манирлихи всякие. Заманили в «Англетер», тю-тю-тю, ля-ля-ля, а сами удавку на шею и канделябром! Сергей как чувствовал, когда писал, что, мол, в этой жизни умирать не просто, но и жить, поверь мне, нелегко. – Григорий понизил голос: – Черный человек знаешь кем был взаправду? Сталиным. А Сталин кто был по паспорту? Грузин. Джу-га-шви-ли. Нас всех, русских, гнобят кому не лень.

– А мы? – спросил Евсеев.

– А мы – вот, – Григорий кивнул на фотографию. – Не тоскуем, не грустим, не плачем. Или как там у Высоцкого? У обрыва, возле пропасти, по самому по краю!

Евсеев привалился к дверце.

– Я подремлю, ладно?

– Вот так и страну продремали, – с укором произнес Григорий. – Спасибо, остались еще люди вроде Безуховых. Актера, который Есенина играл, знаешь как зовут? Между прочим, тоже Сергеем. Эх, пейте водку в юности, бейте в глаз без промаха!

Евсеев притворился, что клюет носом, а потом и впрямь заснул и очнулся лишь в сумерках, когда Григорий требовательно потряс его за плечо.

– Тебя где посадить? – спросил он мрачно, явно недовольный тем, что попутчик не пожелал поддерживать беседу о

поэзии.

– Мне станция нужна, – хрипло сказал Евсеев, незаметно косясь на «молнию» своей сумки, пристроенной на коленях.

– Две сотни добавишь? А то мне крюк делать.

– Делай. Я заплачу.

– Деньги вперед, – потребовал Григорий. – И никаких гвоздей.

Последняя фраза могла означать, что он знаком не только с творчеством Есенина, но и Маяковского, однако проверять свою догадку Евсеев не стал. Он молча заплатил, молча закрыл глаза, а когда открыл их вновь, то находился уже в месте назначения.

Железнодорожная станция «Мирная» вполне соответствовала своему названию. Здесь почти всегда царила тишь, за исключением тех дней, когда на станции куролесили местные дебоширы и выпивохи. К счастью, это случалось нечасто, так как доходы не позволяли им пьянствовать регулярно.

В ту ночь, когда здесь появился Евсеев, на перроне было пусто, если не считать кудлатой дворняги, облепленной репьями, какой-то собирательницы бутылок неопределенного возраста да относительно чистого бомжа, прикорнувшего на скамейке.

«Это хорошо, – подумал Евсеев. – В компании, оно безопаснее будет».

Обладатель «Москвича», высадивший его в десяти минутах ходьбы от железнодорожной станции, теперь не сразу бы признал в нем своего попутчика. Завернув по пути в полуразрушенное здание школы, Евсеев переоделся в вещи, извлеченные из сумки, а саму сумку надежно припрятал за штабелями парт. Теперь он выглядел как заправский бродяга из российской глубинки: стоптанные кроссовки, растянутые спортивные штаны и рябой пиджак без пуговиц, брошенный поверх футболки.

В таком наряде Евсеев не привлекал к себе любопытных взглядов, к чему, собственно, и стремился. Из правого кармана его пиджака торчало горлышко водочной бутылки, а из левого – надкушенная булка. В зубах он сжимал чадающую сигарету без фильтра.

Прогулявшись по перрону, Евсеев заглянул в здание вокзальчика, где лишний раз удостоверился, что поезд Москва – Челябинск остановится здесь через час двадцать. Стоянка должна была продлиться ровно две минуты, но Евсеева это не смущало. Времени было более чем достаточно. Правда, потом предстояло ночное путешествие домой, но за работу Евсееву заплатили достаточно, чтобы мириться с мелкими неудобствами.

Еще разок пройдясь вдоль железнодорожных путей и не обнаружив ничего и никого подозрительного, Евсеев опустился на скамейку, предварительно сбросив оттуда ноги спящего бомжа.

– Ты чего? – хрипло запротестовал тот.

– Выпить хочешь?

Подобный вопрос, заданный гражданину мужского пола, редко влечет за собой ответ отрицательный, и данный случай не стал исключением.

– Хочу, – решительно кивнул бомж, еще не совсем протрезвевший после предыдущей дозы. – Только башлей нет.

– Угощаю, – великодушно сказал Евсеев. – Тащи посуду.

Сорвавшись с места, бомж буквально испарился, а когда материализовался вновь, в руке его были два пластиковых стаканчика.

– Праздник какой? – поинтересовался он, жадно следя за распределением первой порции.

– День рождения, – соврал Евсеев.

– Твой?

– Да хотя бы Бонтемпелли.

– Это кто ж такой? – подивился бомж, любуясь бесцветной жидкостью на дне своей емкости.

– Итальянский писатель, драматург, музыкальный критик и композитор, – пояснил Евсеев, приобретший энциклопедические познания в результате многолетних разгадываний кроссвордов.

– О как!

– Да уж так.

– Тогда за него?

– Поехали, – по-гагарински сказал Евсеев и пригубил едко

пахнущую водку.

– Странный ты, – сказал бомж, когда они познакомились и выпили еще по одной.

– Что ж во мне странного?

Евсеев улыбался, а сам на всякий случай примеривался, куда бы лучше ударить, если что пойдет не так.

– Если по одежке судить, то вроде бичуешь, – продолжал рассуждать бомж, медленно жуя кусок булки, выделенной ему для закуски.

– А если не по одежке?

– Тогда на военного похож.

Евсеев рассмеялся, хотя глаза его оставались холодными и изучающими.

– Что ж во мне от военного?

– Выправка. – Бомж принялся загибать свои сизые пальцы с обкусанными ногтями. – Взгляд. Голос. Да много чего.

Евсееву вдруг вспомнился отец, провожавший его в армию. Будучи районным военным комиссаром, он мог бы за просто отмазать сына, но не захотел. Не отдал его и в военное училище.

«Ты должен начать с самого низа, – твердил он. – Рядовым».

«Я не хочу в армию», – отвечал юный Евсеев.

«И ты должен быть готов, – рассуждал отец, пропуская возражения мимо ушей. – Я хочу рассказать о том, что тебя ждет, чтобы ты потом не удивлялся. Там будут над тобой

издеваться. Практически все, кроме твоих одногодков и тех, кто придет по призыву позже. Издевательства будут продолжаться, пока ты не потеряешь остатки самоуважения, прежние привычки и нынешние правила приличия. Тебя заставят спать, жрать и... – он поколебался, подыскивая подходящее слово, – и испражняться вместе со множеством других солдат. Вы все будете делать скопом. Вас оденут так, что вы перестанете отличаться друг от друга. Ты сольешься с общей массой, потеряешь всяческую индивидуальность».

«Нет, – возражал Евсеев. – Не потеряю».

Это вызывало у отца лишь усмешку:

«Обязательно потеряешь, сынок. Ты станешь не только говорить и поступать, как другие, но и думать, как они. Тебя не сержант заставит, не комроты. Инстинкт самосохранения».

«А если я не захочу?»

Отец кивнул:

«Никто не хочет. Некоторые даже находят в себе силы и мужество противопоставлять себя стаду».

«И что тогда?»

«Тогда весь огромный армейский механизм принимает-ся последовательно и беспощадно уничтожать непокорного, осмелившегося заявить, что он – личность. На таких давят физически и морально. А тот, кто и тогда не покорится, будет вышвырнут ко всем чертям, не сломленный, но искалеченный».

Страшная правда, кроющаяся в отцовских словах, всегда

пугала Евсеева.

«Но зачем, отец?»

«Инстинкт самосохранения, сын. Но не индивидуальный, а групповой. Столь мощная организация, как армия, не может позволить себе болеть. Ведь неподчинение сродни болезнетворному микробу. Прозевал, и вот уже целая эпидемия бушует».

«Так что же делать?» – спросил однажды Евсеев, подавленный и растерянный.

«Подчиниться, – сказал отец. – На время усмирив свое эго. И тогда – конечно, не сразу, а постепенно, – ты обнаружишь, что этот механизм подчинен неумолимой логике и по своему прекрасен. – Он поманил сына, чтобы тот склонился к нему. – Слушай меня внимательно, потому что я знаю, о чем говорю. Есть мужчины, которые, попав на солдатскую службу, поднимают лапки и теряют лицо. Правда, такие и до армии были ни рыба ни мясо».

«Я не такой».

«Пожалуй. Значит, ты способен погрузиться в общее болото, а потом возродиться вновь. Опустившись на дно, ты вознесешься выше, чем можешь себе представить. Чины, звания и власть, власть, все больше власти. Поверь мне, военная служба – путь настоящего мужчины».

«А если... – Евсеев нарочито зевнул, делая вид, что поддерживает разговор лишь из вежливости. – А если кто-то согласен воевать, но терпеть не может муштры и стадо? Как

ему себя проявить?»

«Таким в вооруженных силах не место, – отмахнулся отец. – Такие обычно становятся псами войны».

«Псами войны?»

«Звучит красиво, – промелькнуло в мозгу Евсеева-младшего. – Мне нравится». Он снова зевнул.

«Еще их называют солдатами удачи», – сказал отец.

«Наемники, так?»

«Совершенно верно. Они убивают не за идею, не за родину, не во имя воинского долга. За деньги. Продажный народ».

«И много им платят?» – поинтересовался Евсеев с деланным равнодушием.

«Много, – ответил отец. – Но век их недолог. Редко кто доживает до сорока».

«А я доживу, – решил Евсеев. – Нужно просто вовремя уйти. Заработать денег и открыть свой бизнес».

С того дня он посвятил свою жизнь этой цели и месяц спустя уже лежал в засаде в Приднестровском лимане и с автоматом в руках. Он стал солдатом, хотя не прослужил в армии ни дня. Его жизнь была полна приключений, но не тех, о которых хотелось вспоминать или рассказывать в кругу друзей, тем более что и друзей у Евсеева не было. Он превратился в волка-одиночку, рыскающего по территории бывшего СССР с целью урвать свой кусок, и этот кусок всегда был кровавым, и заработанные деньги тоже были кровавые, и сны... и

впечатления... и мальчики кровавые в глазах.

Скопить капиталец не удалось, потому что все накопленное спускалось в кабаках и борделях за один месяц отдыха, после которого приходилось вновь отправляться на войну. В сорок лет Евсеев понял, что если не остановится сам, то остановят его – пули, гранатные осколки, остро заточенные ножи, которыми так просто резать людей и скотину. Он безуспешно перепробовал несколько мирных профессий, не преуспел ни в одной и решил уже доставать свой арсенал из тайника, когда его нашли люди, говорящие по-русски с акцентом и расплачивающиеся иностранной валютой.

Евсееву предложили работу, и он на нее согласился, сделавшись полушпионом, полудиверсантом, в зависимости от обстоятельств. На сей раз обстоятельства сложились так, что он должен был произвести разведку и сообщить о своих наблюдениях кому следует. Дельце не казалось сложным до того, как небритый, вонючий бомж опознал в Евсееве военного. Не в его правилах было оставлять следы. Ведь он, несмотря на новых хозяев и смену деятельности, по-прежнему оставался волком-одиночкой, всю жизнь уходящим от погони.

Не повезло Евсееву в этой жизни. Распивающему с ним водку бомжу не повезло еще больше.

Бутылка опустела за пять минут до прихода поезда Москва – Челябинск. Почти всю водку вылакал вокзальный ханыга, а Евсеев делал маленькие глотки – для виду и для запаха. Он полагал, что это у него получается незаметно, но

глазастый собутыльник и здесь проявил наблюдательность.

– Чего не пьешь? – спросил он.

Язык у него слегка заплетался, что, увы, никак не сказывалось на умственной деятельности.

– Завязать собрался, – ответил Евсеев.

– Да ты и не начинал никогда.

– Ты откуда знаешь?

– Вижу.

– И что ты видишь?

– Белки глаз у тебя чистые, это раз, – заговорил бомж, опять принявшись загибать свои грязные пальцы. – На лице под кожей прожилок нет, ни на щеках, ни на носу, два. Ну и последнее...

– Что? – поторопил Евсеев, вглядываясь в ночную даль, где возникли огоньки, свидетельствующие о приближении локомотива.

– Не уважаешь ты водочку.

– Да ну?

– Не уважа-аешь, – протянул бомж, пьяно хихикая. – Морщишься, кривишься, передергиваешься. Мы, люди пьющие, глотаем ее, как воду, как лекарство. Ты не из наших.

Евсеев посмотрел ему в глаза:

– Может, шпион?

– Может, и шпион, откуда я знаю. – Внезапно протрезвевший бомж заерзал на скамейке и попытался встать. – Только мне до тебя и дела нет, – лопотал он, озираясь по сторонам. –

Угостил, и ладно. А теперь мне пора.

Рука Евсеева не позволила ему оторваться от скамейки. Бомж еще раз дернулся и затих, как голубь в когтях кошки, который уже почти смирился со своей участью и хочет лишь, чтобы все закончилось быстро и без лишних мучений.

– Сиди спокойно, – велел Евсеев. – Я тебе сейчас правду скажу.

– Не нужна мне правда твоя, – тоскливо произнес бомж. – Отпусти, а?

– Не торопись. Успеешь.

В промежутке между этими двумя предложениями угадывалось еще одно, третье. Оно бы прозвучало как «на тот свет».

Бомж сник. Его физиономия побледнела под слоем многодневной грязи.

– Я шпион, – сказал Евсеев негромко. – Или разведчик. Смотря как, под каким углом на это посмотреть.

– Я понимаю, – кивнул бомж.

Его ноги в облезших туфлях подобрались, упираясь в растрескавшийся асфальт перрона. Не стоило большого труда понять, что он приготовился предпринять отчаянную попытку к бегству.

– Даже не думай, – сказал Евсеев, приставляя к паху собеседника длинную тонкую заточку, похожую на спицу, но сделанную из гораздо более прочного сплава.

Бомж шумно сглотнул, его кадык дернулся и замер. Он си-

дел совершенно неподвижно, и пот стекал по его лицу, оставляя грязные разводы. Между тем ночь была прохладной, как и положено майской ночи.

Не убирая заточку, Евсеев скользнул взглядом по перрону, на котором собралось человек семь-восемь, потом посмотрел на поезд, который был уже так близко, что слышался лязг его железных колес и сочленений. Люди тоже повернулись в сторону поезда, игнорируя двух неряшливых бродяг, устроившихся на дальней лавке. Евсеев мысленно поблагодарил себя за предусмотрительность, позволяющую ему оставаться фактически невидимкой, поскольку обычные граждане не жалуют бомжей вниманием.

– Видишь поезд? – спросил он.

– Да, – глухо ответил пленник.

– Тебя как звать?

– Тимохой. Тимофеем, значит...

– Достаточно будет Тимохи, – решил Евсеев. – На брудершафт мы с тобой не пили, но мне почему-то кажется, что ты не станешь возражать, если я стану обращаться к тебе запросто, по-свойски.

– Нет, – выдавил из себя бомж и скосил глаза на заточку, укол которой все сильнее ощущался между ног.

– Вот что, Тимоха, – сказал Евсеев, – я сегодня добрый, поэтому раскрою тебе один секрет. Государственной важности секрет, учти. Так что гордись, Тимоха.

– Может, не надо? – жалобно спросил бомж.

– Надо, Тимоха, надо. Нас с тобой интересует последний вагон, четырнадцатый по счету. Считай.

Евсеев показал подбородком на состав, постепенно замедляющий ход на станции «Мирная».

– Они пронумерованы, – подал голос Тимоха.

– А ты все равно считай. Так надежнее.

Состав остановился. Четырнадцатый вагон находился в каких-нибудь двадцати метрах от наблюдателей и был хорошо освещен фонарями.

– Нам повезло, – сказал Евсеев. – Согласен, Тимоха?

– Да, – ответил бомж, и в голосе его не прозвучало ни одной радостной нотки.

– В этом вагоне, который последний, – доверительно заговорил Евсеев, – везут одну очень важную вещь, которую необходимо перехватить по пути следования. Мне поручено выяснить, насколько хорошо этот вагон охраняется. Что скажешь по этому поводу?

– Не знаю. Никто не выходит, за окнами тоже никого...

– Однако же кто-то внутри есть. Видишь, свет за шторками в двух купе? А возле сортира кто-то курит – там красный огонек мелькает.

– Вижу, – сказал бомж, постепенно начавший свыкаться с наличием острого колющего предмета в непосредственной близости от своих половых органов.

– А теперь посмотри на крышу, – предложил Евсеев.

– Смотрю. И что?

– Дополнительная вентиляционная труба установлена.
Это что значит?

– Что? – тупо спросил бомж.

– Это значит, что газовая атака невозможна. – Рассуждая, Евсеев медленно воткнул заточку по самую рукоять. – Почему?

– О-о... – простонал бомж, уставившись на свои темнеющие в промежности штаны.

Крикнуть он не мог из-за болевого шока. Проткнув его заточкой, убийца не вытаскивал ее, не отпускал, а двигал из стороны в сторону, ожидая, когда нервная система жертвы не выдержит мучительной пытки. Постороннему могло бы показаться, что мужчины занимаются чем-то непотребным, но никто на них не смотрел. Ни одна живая душа.

– Вот тебе и «о», – продолжал Евсеев. – Газовая атака невозможна, потому что газ будет выдавлен избыточным давлением внутри вагона.

Бомж снова застонал. Глаза его сделались совершенно белыми, по вяло отвисшему подбородку сбегала липкая слюна.

– Таким образом, атаковать вагон придется в лоб, без всяких военных хитростей, – заключил Евсеев, после чего потянул заточку на себя, а потом вогнал ее обратно... и снова... и снова...

Умиравший задергался, запрокинув голову так сильно, словно желал проследить, как будет возноситься к небесам его бессмертная душа. Это было забавно. Евсеева всегда

смешила наивная вера в то, что после смерти будет еще что-то. Как будто Богу больше заняться нечем, как заботиться о жалких людишках, живущих пустой, никчемной жизнью и умирающих так внезапно, так нелепо, так некрасиво.

– Я бы на их месте воспользовался гранатометом, – сказал Евсеев, провожая взглядом тронувшийся с места поезд. – К счастью, меня там не будет. Мое дело – позвонить и предупредить, понял?

Бомж не ответил. Он сидел на месте, откинувшись назад и упершись в дощатый брус скамейки. Под его широко расставленными ногами собралась темная лужа.

– Ну, приятель, счастливо оставаться, – сказал Евсеев, вытирая пятерню о свитер покойника. – Шпиона из тебя не получилось, но ты не жалея. Паршивая это работенка, скажу я тебе.

Покойник не ответил. Не оглядываясь на него, Евсеев зашагал восвояси, доставая на ходу старенький мобильник, припрятанный во внутреннем кармане пиджака. Еще лет десять назад это могло бы привлечь к нему внимание, но теперь все свыклись с тем, что мобильной связью пользуются поголовно все, от несмышленных малышей до дряхлых стариков, от глав государств до последних отбросов общества.

– Вариант А отменяется, – сказал Евсеев в трубку. – Защита.

Сбросив вызов, он пошел дальше, насвистывая мелодию есенинского «Клена». Все-таки сегодняшний день не про-

шел бесследно, оставил о себе кое-какие воспоминания.

Получив сообщение лазутчика, Петр Сердюк – или Пет-ро, как звали его близкие, – тоже присвистнул, но коротко и немелодично.

– Проблемы, командир? – спросил Беридзе с едва уловимым кавказским акцентом.

Они сидели в бордовом японском внедорожнике, стоящем на обочине безлюдного ночного шоссе. Беридзе, выполнявший роль водителя, то и дело оглаживал руль, но это был не признак нервозности, а многолетняя привычка, от которой он и не думал избавляться.

Это был статный грузин с седыми висками, делавшими его похожими на маститого артиста или оперного певца. Одевался он во все черное, предпочитая узкую одежду, подчеркивавшую его атлетическую фигуру.

Петро Сердюк носил неизменную трехдневную щетину, зато тщательно выбривал виски и мощный загривок. Он отлично говорил по-русски, хотя с детских лет терпеть не мог этот язык.

– Не любишь проблемы, Бочи? – спросил он.

– А кто их любит, командир? – удивился грузин.

– Да хотя бы я.

– Шутишь?

– Серьезно. – Сердюк с наслаждением потянулся. – Нам испытания Богом посылаются. Чтобы не скисали.

– Это правильно, – сказал Беридзе, хотя было заметно, что лично он обошелся бы без проблем и испытаний.

Скучный человек. Ограниченный. Сердюк нахмурился:

– Заводи тачку. Поезд на подходе. А я пока с Селезенкой свяжусь, нехай готовится семафор переключать. – Сердюк включил смартфон и вызвал Селезнева, отвечавшего в отряде за всякие компьютерные и электронные штучки. – Боевая готовность номер один, – сказал он. – Вы на месте?

– Со мной Комиссаров, Кястис и Кроха, – отрапортовал Селезнев. – У Кястиса прицел на гранатомете сбился, но он уже наладил. Комиссаров, как всегда, дрыхнет. Кроха саблю точит, на abordаж готовится.

В трубке послышалась возмущенная реплика Стефана Крохи, начисто лишённого чувства юмора, и Селезнев заржал. Конечно, никаких сабель у группы не было, а лишь автоматы Калашникова, ручные противотанковые гранатометы и даже легендарный «Узи», о котором написано гораздо больше добрых слов, чем он того заслуживает.

– Разговорчики! – прикрикнул Сердюк.

Он немало лет отдал службе в украинской национальной гвардии и имел хорошо поставленный командирский голос, слышав который умник Селезнев по прозвищу Селезенка предпочел заткнуться.

– Действуем по плану Б, – продолжал Сердюк. – Помнишь, что от тебя требуется?

– Переключить семафор и остановить поезд, – отрапорто-

вал Селезнев.

– Компьютер не подведет?

– Я не только семафор, я всеми железнодорожными стрелками манипулировать могу.

– Это лишнее. Остановишь поезд, и все. Но по сигналу, без самостоятельности. И подгадай, чтобы последний вагон оказался на уровне платформы.

– Попытаюсь.

– Ты не пытайся, ты сделай.

– Не первый год работаем, – откликнулся Селезнев.

– Главное, чтобы не последний, – отрезал Сердюк. – Кроха и Кястис нехай выдвигаются на огневой рубеж. Я скоро буду. Отбой.

Он выключил смартфон. Повинуясь его кивку, Беридзе включил зажигание.

– С богом, – буркнул Сердюк.

Грузин промолчал. Он полагал, что Господа лучше в темные делишки не впутывать. Он сам по себе, а они сами по себе. Так спокойнее.

Пассажиры скорого поезда Москва – Челябинск спали на своих полках – кто мирно, кто беспокойно, кто с надсадным храпом, кто тихо сопя в две дырочки. Пиво было выпито, харчи ополовинены, вода булькала в бутылках, пристроенных так, чтобы можно было нашарить в темноте. Под рукой также находились мобильники, чтобы, проснувшись, поин-

тересоваться временем, которое в вагонах течет, как обычно кажется, медленнее, чем снаружи.

А вот в последнем вагоне спали далеко не все. Глеб Галкин, например, бодрствовал, тупо глядя в щель между занавесками на редкие огоньки, мелькавшие за окном. Его напарник Белоусов дрых без задних ног, сунув под подушку табельный пистолет. Серебристый контейнер с тромонолом надежно покоился в багажном отделении под полкой, на которой он лежал. По большому счету, он не храпел, а лишь редко всхрапывал, как норовистый жеребец, ухваченный под уздцы. В такие моменты Галкин угрюмо косился на него и вспоминал о загубленном пиве.

За стенкой тоже отдыхал лишь один, а второй гонял «тетрис» на дисплее планшета. Это был Ефремов, ожесточенно крививший рот всякий раз, когда разноцветные геометрические фигурки грозили заполнить все игровое поле. Самсонов видел десятый сон. Лежал он на спине, закинув руки за голову. Бледные губы Самсонова были собраны трубочкой, как будто он намеревался свистнуть. Сползшая простыня одним углом лежала на полу, отмеченная отпечатком подошвы Ефремова.

В обоих тамбурах на противоположных концах четырнадцатого вагона дежурили маленький мохнатый Титов и здоровяк Беляев, едва не достававший макушкой до потолка. Первый то и дело дышал на стекло, чтобы рисовать на нем всякие закорючки. Сигареты у него закончились, чему он в

глубине души был рад, хотя проникотиненный организм требовал своей дымной дозы.

А Беляев докуривал неизвестно какую сигарету по счету, морщась от горького привкуса во рту. Он думал о родителях, которые вот уже третий год подряд безрезультатно зазывали его погостить дома. Их было жаль, но всякий раз, когда Беляев звонил, чтобы предупредить о своем скором приезде, ему непременно что-то мешало. Так вышло и на этот раз. И сейчас чувство вины наполняло его душу горечью более сильной, чем никотиновая кислота. Беляеву было так паршиво, что хоть из поезда на ходу выпрыгивай, и он не подозревал, что очень скоро пожалеет о том, что не сделал этого, когда была возможность.

Его сменщик по караулу, простак Юдин, не думал ни о чем, а видел сон, в котором явился на собрание без штанов, породив в зале гомерический хохот. Ситуация была, прямо скажем, отчаянная; несчастный Юдин стонал и сучил ногами, мешая отдыхать Антону Новикову. Ворочаясь и прикрывая ухо то теплой подушкой, то локтем, Новиков думал, что если невеста в очередной раз откажет ему в близости, то он найдет другую, доступную и непривередливую. Вопреки своим рассказам, он не был избалован женским вниманием, а если уж совсем честно, то не пользовался популярностью у противоположного пола. Новиков как раз силился понять причину своих многочисленных фиаско, когда поезд начал замедлять ход, а потом и вовсе остановился.

Антон поднял голову, чтобы прочитать название станции, но вместо этого увидел одетого в черное человека, стоящего в пятнадцати метрах от вагона. Поза у человека была странная. Он прижимал к плечу какую-то длинную штучковину, склонив к ней голову в балаклаве.

«Что это? – спросил себя Новиков и тут же ответил на этот вопрос сам: – РПГ-7. Что? Не может быть!»

Могло и было. Из ствола вылетела граната и врезалась в оконное стекло вагона. Бронированное, оно было способно выдержать удар крупнокалиберной пули, но не свирепый огненный взрыв.

Стеклянные осколки вонзились в лицо Новикова, но боли он не почувствовал. Глаза ему выжгло, зубы вышибло, а черепную коробку разнесло так, что мозги расплескались по зеркальной двери. Он умер еще до того, как упал, не издав ни крика, ни стога.

Заорал ошалевший спросонья Юдин, уже предчувствуя близкую смерть, но еще не веря в ее неотвратимость.

– Не-е-ет! – орал он, лихорадочно ища автомат. – Не-е-ет!

Когда поезд, обманутый трюком Селезнева, остановился, Бочи Беридзе, Балодис Кястис, Анатолий Комиссаров и Стефан Кроха уже рассредоточились возле платформы держа оружие на изготовку. Что касается Сердюка, то он взял гранатомет, поскольку не решился доверить столь ответственную задачу кому-либо другому.

Все должно было пройти без сучка без задоринки. До сих пор удача сопутствовала боевикам. Ни одному из людей, оказавшихся на полустанке, уйти не удалось. Всех прикончили одиночными выстрелами, отличился лишь Кроха, не сумевший отказать себе в удовольствии выпустить две очереди из своего пижонского «Узи». Одной он срезал голосистую девушку, попытавшуюся скрыться в кустах. Вторую потратил на ее хахаля, бросившегося выламывать штакетину из забора. Перембил ему ноги и только потом добил выстрелом в затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.